

Двойственность в понимании современной уголовной политики

Шульц В. Л.,

доктор философских наук, профессор, заместитель президента РАН,
член-корреспондент Российской академии наук

Бочкарев С. А.,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права РАН
e-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен уровень взаимопонимания модераторов (ученых) и операторов (практиков) уголовного права как индикатор, отражающий состояние этой отрасли права. Диагностировано, что субъекты уголовно-правового мониторинга в своих оценках состояния правопорядка находятся на противоположных позициях и на критически удаленном друг от друга расстоянии. В связи с этим поставлен и исследован вопрос о том, являются ли их разногласия результатом элементарного различия в точках зрения или же они доказывают, что между сторонами полемики отсутствует взаимопонимание. По итогам констатируется, что «раскол» во внутреотраслевых и межотраслевых мнениях о состоянии действующего уголовно-правового порядка обусловлен тем, что средства мониторинга базируются на релятивистских установках, которые ведут к параличу деятельности органов юстиции.

Ключевые слова: юриспруденция, уголовное право, состояние права, релятивизм, кризис, правоприменитель, статистика, показатели, индикаторы.

Актуальность заявленной темы имеет реальное подтверждение. Наличие разных, нередко диаметрально противоположных точек зрения на состояние современного уголовно-правового порядка служит тому объективным доказательством. Однако само по себе существование разнополярных мнений не вызывает большого удивления и не привлекает к себе существенного внимания. Многообразие позиций не замечается за привычным для повседневности плюрализмом. А переменчивость и неустойчивость этих мнений хорошо скрывается за релятивизмом, который возобладал в общественном сознании и одержал, как отмечает В. А. Лекторский, победу в современной философии и культуре в целом¹.

Внимание к теме привлекает характер взаимоотношений оппонировавших сторон («теоретиков» и «практиков» в области права) — их обоюдная недоговороспособность и даже в определенной мере неприятие друг друга. Очень часто одна сторона привычно стремится к превосходству над другой, а другая по недоразумению отмежевывается от какого бы то ни было диалога с первой. Сохраняющееся и не разрешающееся между ними противоречие в итоге выступает и отличительной чертой, и нормой современности. Естественно, возникающее в подобных условиях состояние неопределенности негативно характеризует обе стороны, так как прежде всего указывает на их неспособ-

ность совместно справляться с такими ситуациями и продвигаться по пути развития — переходить от неопределенности к определенности. Кроме того, общее состояние неопределенности свидетельствует о том, что одна из сторон или даже обе стороны, убежденные в своей правоте, на самом деле имеют дело с иллюзией определенности.

Речь идет, безусловно, о «диалоге» теоретиков права и «монологе» практиков, об их способах мировосприятия и оценках правовой действительности; о поиске ответа на вопрос о том, что представляет собой сохраняющееся между ними различие во взглядах. Имеет ли оно под собой объективные причины или же преимущественно продиктовано субъективными факторами? Но главное видится в необходимости прояснения, является ли их разногласие элементарным расхождением позиций или же доказательством отсутствия взаимопонимания между оппонировавшими сторонами.

И если последнее утверждение справедливо, возможно, и в сфере правосознания пора констатировать наличие социального симптома, который Ж. Т. Тощенко назвал «расколом общественного сознания». Вполне вероятно, что уже необходимо заняться поиском и познанием сопровождающих этот раскол антиномий, которые, судя по оценкам социолога, переполняют обыденную жизнь всего населения России, стали характерной чертой повседневности².

¹ См.: Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 3.

² См.: Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Социология. 2009. № 4. С. 69–82.

Без сомнения, исход таких исканий очень важен. Во многом и от них зависит достоверность ответа на вопрос о состоянии современного уголовного права. Его поиск предполагает проведение многих параллелей и сравнений. Одна из таких параллелей состоит в исследовании состояния коммуникационных связей между модераторами (учеными) и операторами (практиками) столь значимой отрасли права. Результаты проверки наличия этих связей и их качества вполне могут служить одним из ключевых индикаторов, определяющих положение уголовного права и как сферы знаний, и как области жизнедеятельности вообще.

* * *

Отечественные ученые, как уже отмечалось в ранее проведенных исследованиях³, в своем большинстве определились с позицией по вопросу о состоянии современного уголовного права. Их выводы отличают твердая убежденность в своей правоте и бескомпромиссность. Они практически не сомневаются в том, что для его характеристики вполне применимо понятие «кризис». Противоположного взгляда придерживаются единицы. Еще одна небольшая группа ученых отмечает, что в уголовно-правовой сфере мы имеем то же самое, что и во всех других сферах общественной жизни.

Суть основных упреков ученых, отражающих, по их мнению, кризисное положение уголовного права, состоит в том, что законодатели и правоприменители выполняют свои профессиональные обязанности на бессистемной и противоречивой основе, не обеспечивают защиту гарантированных Основным законом прав. В целом ряде случаев они действуют даже во вред социальной организации (к примеру, без учета криминологической обстановки изменяют законы; принимают пробельные и несогласованные друг с другом нормативные акты; непрофессиональными реформами дезорганизуют правоохранительную систему; нововведениями в закон излишне криминализируют общество либо непринятием реальных мер наказания стимулируют преступность). Практики обвиняются в лоббистском и в обезнаученном подходе к праву (как при законодательной разработке конкретных юридических положений, так при использовании их на практике). Особенно активно практиков порицают за декларативное, формальное отношение к научной обоснованности как первейшему и важнейшему принципу правотворческого и правоприменительного процессов.

³ См.: Бочкарев С. А. Состояние уголовного права: «пороги» и «пороки» научного осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1(2). С. 58–71.

На основании своих наблюдений ученые констатируют, что в настоящее время реализуется неадекватная состоянию преступности государственная политика по борьбе с нею. Тенденции, по их мнению, настолько неблагоприятные, что уже вполне правомерно и нужно говорить о постепенном превращении Российской Федерации в криминальное государство. По наблюдениям деятелей науки, идет тотальная криминализация общества. Основываясь и на личном опыте, и на проведенных исследованиях, некоторые социологи отмечают, что Россия без преувеличения «утопает в крови»⁴.

Мнение практикующих юристов во многом и зачастую в главном не совпадает с вышеотмеченными оценками большинства представителей науки. Лишь в ответе на конкретный вопрос: «кто виноват?» — часто между ними наблюдается консенсус. Правоохранители также склонны сетовать на несовершенство нормативной базы, пенять на законодателя и почти каждый раз требовать от него принятия дополнительных правил поведения.

Что касается оценки «состояния» правопорядка, специалисты-практики не спешат говорить о кризисе уголовного права. Их суждения на сей счет отличаются большей уравновешенностью в аргументации и оценках, а также уверенностью в стабильности общественного и личного положения. В них сложно обнаружить доказательства достижения социально-правовыми процессами каких-то пиковых значений. В основном практики ведут речь о некоторых недостатках, затрагивают проблемы структурного порядка, но не оценивают их как критические.

Примеры говорят сами за себя. В. А. Колокольцев по итогам 2014 г. в докладе Президенту РФ заявил, что оперативную обстановку в государстве оценивает как положительную. Свое суждение он мотивировал тем, что в обществе сокращается количество грабежей, разбоев, убийств, квартирных краж, снижается подростковая преступность. По его данным, органами внутренних дел раскрыто более 900 тыс. преступлений, из них 206 тыс. — тяжких и особо тяжких, расследовано 27 тыс. преступлений прошлых лет.

Годом раньше, на заседании расширенной коллегии МВД России, министр также констатировал, что в 2013 г. органы внутренних дел в полном объеме обеспечили контроль над оперативной обстановкой в стране. Ведомство, по его словам, работало стабильно. Выполнен значительный объем задач в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности, противодействия преступности. За отчетный период сократилось как общее количество, так и большинство тяжких

⁴ См., напр.: Дмитриев А. В. Насилие как средство решения конфликтов // Общество и право. 2004. № 4 (6). С. 63–64.

и особо тяжких преступлений, уменьшилось количество убийств, случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, разбоев, квалифицированных грабежей и краж.

Схожими являются позиции и аргументация глав других правоохранительных ведомств. К примеру, в итоговых решениях коллегии Следственного комитета Российской Федерации также содержатся вполне удовлетворительные оценки. Отмечается, что руководители следственных органов принимают адекватные меры, направленные на укрепление законности и правопорядка, неукоснительное выполнение поставленных законом задач по обеспечению исполнения законодательства об уголовном судопроизводстве.

Для подтверждения заявленной уверенности используются данные о том, что, к примеру, в 2007 г. по Российской Федерации зарегистрировано более 3,5 млн преступлений, что на 7,1 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Количество зарегистрированных изнасилований уменьшилось на 20,7 %, убийств — на 19,1 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 7,9 %. На общем фоне сокращения числа зарегистрированных преступлений повысилась их раскрываемость. Количество нераскрытых преступлений снизилось на 8,3 %, в том числе тяжких — на 18,3 %, убийств — на 31,3 %.

Можно не множить далее примеры, характеризующие позицию правоохранительных органов и учреждений, их отношение к состоянию правопорядка. Процесс формирования этого отношения ясен. Используемые правоохранительными органами данные включают в основном статистику нарушений, как уголовных, так и административных, структуру и динамику преступлений, а также факторы, их вызывающие. Преступность, судимости, административные правонарушения и другие проявления девиантного поведения изучаются на основе действующих норм права. Статистический анализ отмеченных процессов позволяет компетентным органам выявлять законы их распределения и динамики, получать другую важную информацию, необходимую для совершенствования правоохранительной деятельности.

Не менее очевидным представляется и то, что сдержанная (не кризисная) оценка правоприменителями состояния уголовно-правовой сферы не лишена оснований. Их выводы соответствуют тенденциям последних 10 лет. На протяжении этого периода наблюдается последовательное снижение числа зарегистрированных преступлений (см. табл. 1)⁵.

Данная динамика касается как преступлений против личности, так и преступлений

в сфере экономики. Число последних за указанный период снизилось кратно: с 489,6 тыс. в 2006 г. до 107,3 тыс. деяний в 2014 г.

Социологические данные, как отмечают криминалисты, подтверждают показатели уголовной статистики (см. табл. 2). Влияние преступности как фактора, вызывающего тревогу в общественном сознании, от года к году снижается. Совпадение социальных и криминологических тенденций позволило правоохранителям утверждать, что постепенно обретаемое в обществе спокойствие является закономерным следствием высокой эффективности их работы.

Свою уверенность, как видно из табл. 2, правоохранители часто основывают на данных опросов общественного мнения, которые фиксируют, что за последние 10 лет (с 2004 по 2014 г.) россияне стали меньше беспокоить вопросы безработицы (с 33 % до 23 %), преступности (с 27 % до 15 %), ситуация в армии (с 12 % до 5 %). Они обращают внимание на то, что значительно возросла актуальность не связанных с уголовно-правовой тематикой проблем — сфера ЖКХ (с 32 % до 57 %), уровень жизни населения (с 24 % до 46 % в 2014), ситуация в здравоохранении (с 27 % до 40 %), коррупции (с 14 % до 29 %)⁶.

* * *

Разница во взглядах практиков и теоретиков права налицо. Точки соприкосновения их позиций не просматриваются. Несмотря на, казалось бы, убедительную и обширную аргументацию, длительный период отслеживания эмпирических данных, внимание к широкому кругу криминологических показателей, представители науки считают, что для итоговых выводов о стабильном и позитивном развитии социально-правовых процессов в целом и уголовно-правовых в частности не имеется достаточных оснований.

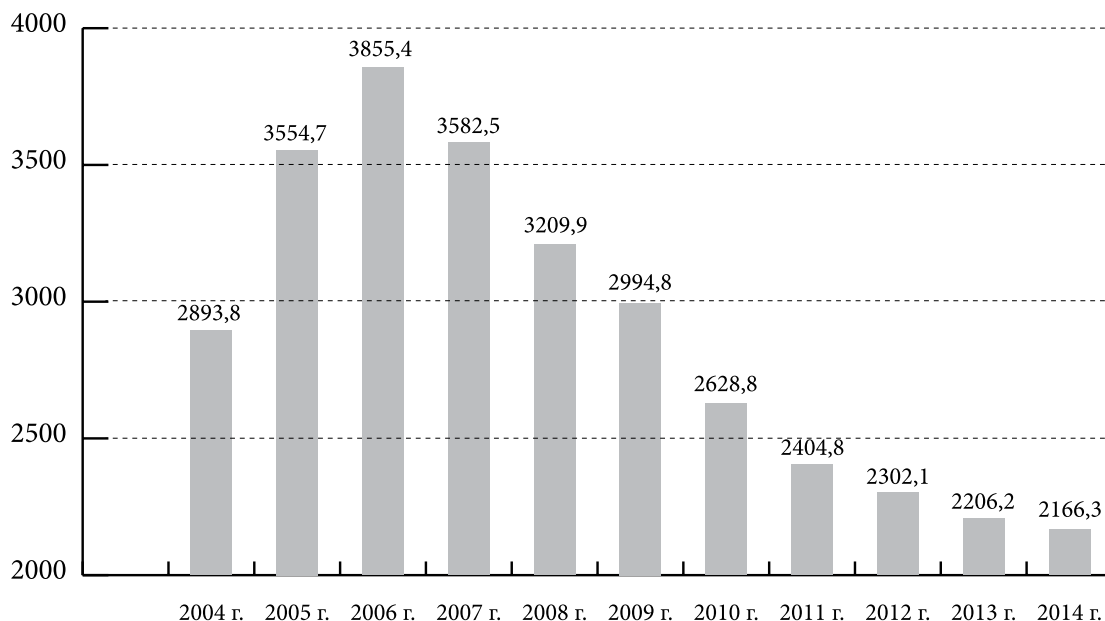
Традиционно называют широкое разнообразие веских и вполне очевидных причин, не позволяющих правоведам согласиться с правоохранителями. К одному из основных аргументов, используемых теоретиками для подтверждения почти естественной несостоятельности позиции своего оппонента, относят недостаточную научную обоснованность либо вовсе отсутствие данной составляющей во взглядах правоприменителей и в их практической деятельности.

Другой повод для неприятия взглядов противной стороны ученые давно нашли в погрешно-

⁵ См.: Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>

⁶ См.: Ситуация в ЖКХ и инфляция стали главными проблемами россиян. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 25–26 января 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. URL: http://gkh1.ru/news/prochie_novosti/situatsiya_v_zhkhkh_i_inflyatsiya_stali_glavnymi_problemmami_rossiyan/ (дата обращения: 30.06.2015)

Таблица 1.
Всего зарегистрировано преступлений в 2004–2014 гг. (тыс.)

Источник: статистика МВД РФ

стях и легкой уязвимости системы статического наблюдения. Правоведы считают, что статистическая отчетность далека от полного и достоверного отображения состояния правопорядка, поскольку уверены в ее высокой подверженности искажениям со стороны ответственных за ее составление органов.

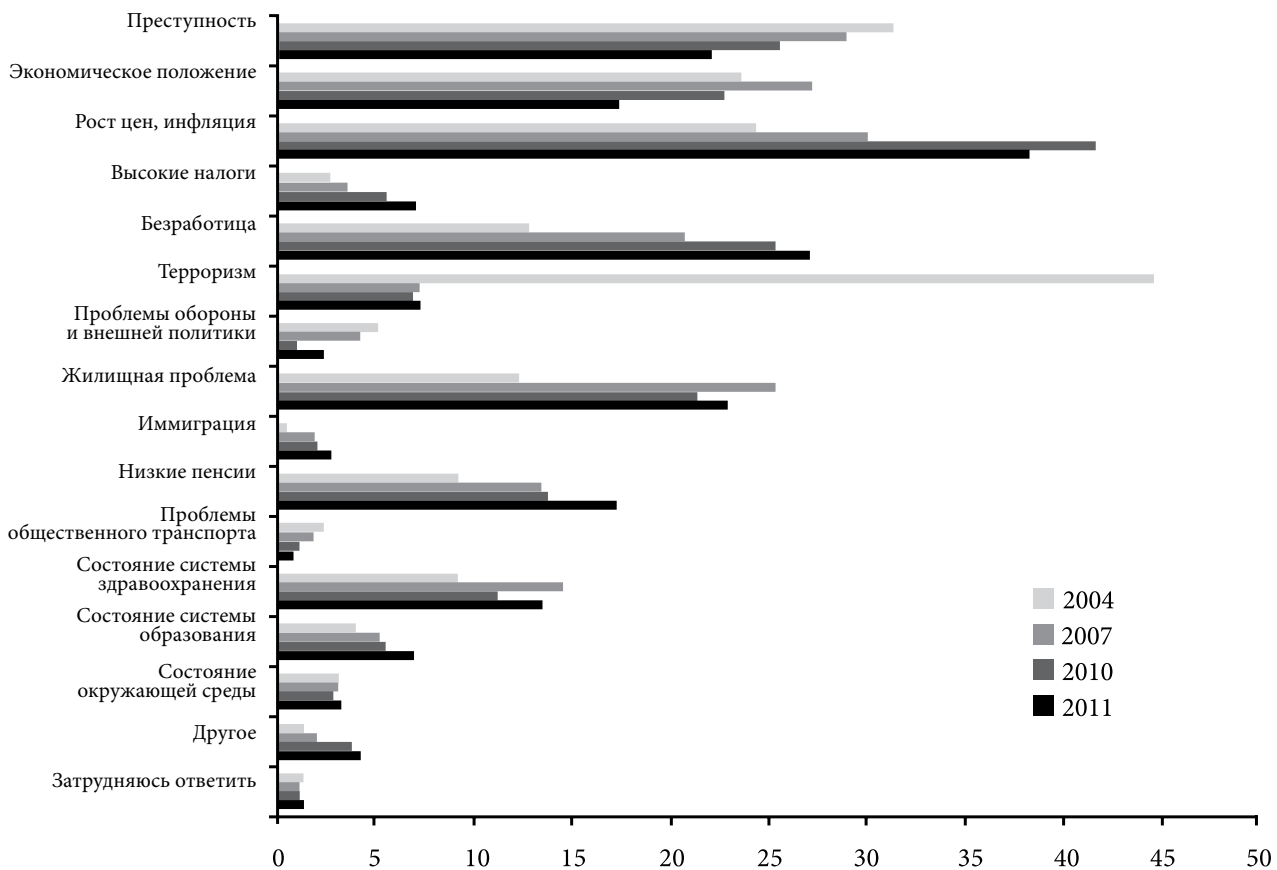
Однако представляется, что ни одна из названных причин или даже вся их совокупность не может служить причиной обнаруженного «раскола» в оценках правопорядка. Подлинные детерминанты современного положения, при котором стороны в своих взглядах на состояние правоотношений находятся и на критически удаленном друг от друга расстоянии, следует искать не в естественных факторах, обусловленных социальным статусом и положением исследовательских групп, а в целенаправленно избранных ими точках обзора состояния отечественного уголовного права. Речь идет, прежде всего, о дефектах и пробелах мировоззренческого порядка, исследованию которых эксперты не уделяют должного внимания, но которым в существенной мере подчинена уголовная статистика как основное средство восприятия правоохранительными органами окружающей их социальной действительности.

Концептуальные и идейно-идеологические проблемы отечественной уголовной статистики

недооцениваются. Вместе с тем за ними стоят уже не арифметические погрешности, а высокие риски непонимания правоприменителем общественных процессов или необнаружения протекающих в них закономерностей. Сегодня Украина называет цену таким рискам — демонстрирует пример плачевного состояния правового строя и всего социального уклада. Причин тому можно назвать предостаточно. Однако представляется очевидным, что подобные Украине государства были повержены цветными революциями, так как национальные средства правового мониторинга не сработали в критической ситуации. Средства наблюдения не смогли отследить то, что внутренние противоречия, продолжительное время оставшиеся неурегулированными, попали в область интереса «третьих лиц», стали использоваться ими в качестве удобного предлога для «раскачки» обществ и в итоге привели некоторые политические режимы к краху.

Российская система статистического наблюдения за явлениями уголовно-правового порядка не лишена схожих изъянов. Состояние ее связи с социальной средой вызывает тревогу и удивление. Несмотря на, казалось бы, самую прямую корреляцию статистики с конкретными жизненными происшествиями, именно ее социальная необусловленность обращает на себя внимание. Судите сами.

Таблица 2

В структуре правоохранительной деятельности нет ни одного аспекта, который в современных условиях можно было бы рассматривать вне социального контекста. Субъекты, реализующие правоприменительный процесс, составляют неотъемлемую часть общества. Согласно своему прямому назначению, они призваны работать с обществом, для общества и над обществом со стремлением сделать его справедливым, свободным и самодостаточным. Однако на уровне уголовного закона такие задачи не сформулированы. Обозначенные в нем цели выглядят на порядок скромнее. Назначение уголовного права-порядка выражено в безыдейных и безадресных нормах об обеспечении безопасности населения и законопослушности отдельных граждан.

Не лучшим образом общество представлено и в положениях уголовно-процессуального закона. В нем его вообще нет. Судопроизводство воспроизведено как внутреннее дело ограниченного круга его непосредственных участников. Согласно ст. 6 УПК РФ органы юстиции призваны работать с отдельными лицами и организациями, потерпевшими от преступлений, а также с личностями, нуждающимися в защите от незаконного обвинения. Судя по редким упоминаниям в текстах УК РФ и УПК РФ можно предположить, что при подготовке и принятии

этих нормативных актов законодатель все же имел в виду общество. Но и здесь очевидно, что в зафиксированных в кодексах случаях общество рассматривается только лишь в качестве одного из субъектов социального мира.

Об обществе как о самоценности, то есть объединении людей, обладающих общими интересами, ценностями и целями, в законах практически ничего не сказано. По ним вообще весьма затруднительно сформировать представление о том обществе, продуктом жизнедеятельности которого эти законы стали. Их обезличенность и абстрактность не позволяют воспроизвести имманентно присущие российскому обществу характеристики как конкретной социально-экономической и культурно-исторической целостности.

По аналогичным принципам выстроена принятая на вооружение правоохранительными органами система статистического наблюдения. С ее помощью можно рассмотреть лишь черно-белую, без цветов и оттенков картину отечественного уголовно-правового мира. В наименованиях многочисленных форм и показателей уголовной статистики категория «общество» не выделена, а резолютивные значения этих форм не отвечают статусу социальных индикаторов, поскольку не воспроизводят соответствующие формату

«общества» картины. Сквозь их призму социум предстает как смешанное в общую сумму множество единичных и отвлеченных друг от друга происшествий. А учитывая, к примеру, что каждое третье преступление против собственности в РФ совершается иностранными гражданами, то выясняется, что итоговые значения лишены показательного смысла, так как не отражают уровня криминогенности составляющего основу российского государства коренного населения. Не отвечают, в частности, на вопрос о том, является ли ее показатели следствием упадка нравов в обществе или же последнее стало жертвой низкой правовой культуры мигрантов.

Схожее положение в системе учета занимают и скрепляющие общество ценности права. В уголовной статистике они не представлены. Их состояние в социуме не оценивается. Широкая сеть органов правопорядка и правосудия не измеряет и не отслеживает бытующий в обществе, к примеру, уровень справедливости. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. Схожее отношение к справедливости проявлено и законодателем. Несмотря на то, что справедливость является структурообразующей ценностью всего права и каждой его отрасли, института и нормы, парламентарии не сочли необходимым включить справедливость в состав охраняемых уголовным законом благ.

В ст. 6 УК РФ принцип справедливости закреплен в сугубо отраслевых и юридико-технических целях. Востребованность названного принципа ограничена нуждами процесса назначения наказания. На этапах квалификации деяния, толкования уголовного закона, определения сферы его действия, привлечения или освобождения граждан от ответственности соблюдение принципа справедливости, по логике законодателя, не столь важно. Он должен приобретать обязательное для правоприменителя значение лишь на стадии определения виновному лицу вида и размера наказания. Но и в этом единственном случае сила принципа ограничена рамками сопоставления двух величин. Для установления наказания требуется соизмерение тех значений, которые характеризуют, с одной стороны, личность виновного, а с другой — обстоятельства совершенного им деяния.

Социального контекста, как видно, принцип не имеет. О справедливости, обеспечивающей формальное равенство граждан не только перед «бездушным» законом, но и друг перед другом, в законе речи не идет. Отсюда возникают вызывающие в общественном сознании чувство социальной несправедливости случаи, когда за совершение 12 тяжких преступлений и хищение более 3 млрд руб. Е. Васильеву по «делу „Оборонсервиса“» содержат под домашним арестом, а родившую мать, попытавшуюся для нужд ребенка

обналичить принадлежащий ей по праву материнский капитал, на продолжительный срок заключают под стражу.

Учитывая конституирующую роль идеи справедливости в российской культурной традиции и национальном самосознании, пренебрежительное отношение к ней как к социальному индикатору выглядит по меньшей мере странным. Хотя только такое отношение и может служить разумным объяснением того, почему в российском обществе существуют большие проблемы со справедливым устройством его структуры и механизмом распределения ВВП в частности. Чувство несправедливости является самым распространенным среди россиян по частоте его переживания. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах граждан сложившегося в стране социального порядка, по данным Института социологии РАН, испытывает хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), причем 46 % переживает его часто⁷. В связи с этим неудивительно, что в число трех самых популярных мечтаний россиян входит мечта «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33 %), составляющими которого являются социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах⁸. Справедливость, как обоснованно отметил директор Института социологии РАН М. К. Горшков, впору признать национальной идеей. Однако на законодательном и правоприменительном уровнях такого понимания не существует. Справедливость не входит в предмет их повседневного и подлинного интереса.

Очередное выражение заявленной проблемы правоприменительного взгляда состоит в его замкнутости «на себе». Несмотря на априори публичную природу правоохранительной деятельности, используемая совокупность критериев ее оценки не отвечает общественному положению и назначению этой деятельности, выполняемым органами юстиции публичным функциям и поставленным задачам. Система показателей, применяемых для оценки их работы, не имеет выхода за ведомственные границы. Ни один из ее критериев напрямую не связан с состоянием той социальной сферы, в пределах которого действует соответствующий правоохранительный орган. Эта система во многом подчинена не общественному, а внутриведомственному устройству, которое в большинстве случаев стремится к достижению внутренней самодостаточности и внешней автономности.

⁷ См.: Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. С. 18.

⁸ См.: О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013.

Если вдуматься в буквальный смысл статистической отчетности, то выясняется, что успешность органов правопорядка напрямую зависит от количества совершаемых, выявляемых, раскрытых и расследованных преступлений. Показатели успешности их деятельности не соотносятся с качеством жизни как важнейшим интегральным индикатором, который используется в социологии, экономике, политике и других социальных науках для оценки степени удовлетворения материальных и духовных потребностей человека и общества. Увеличивающееся количество криминальных деяний служит основным оправдывающим деятельность органов правопорядка аргументом. Поскольку данные показатели состоят в прямой причинной корреляции, то они часто используются практиками в качестве наиболее весомого доказательства их востребованности, необходимости расширения полномочий и повышения уровня их довольствия и материально-технического обеспечения.

При этом обращение к данным, характеризующим состояние общества и его отношение к внутренним и внешним процессам, было бы для правоприменителей весьма полезным. Как минимум оно позволило бы им усомниться в обоснованности и самодостаточности собственных выводов и, возможно, подтолкнуло бы их к переосмыслению собственных оценок. Как показывают социологические исследования, все основания для этого имеются. Согласно изысканиям Института социологии РАН, большинство россиян не разделяют состояния умиротворенности, испытываемого правоприменителями. Несмотря на продолжительное снижение количества регистрируемых преступлений, свыше половины опрошенных устойчиво оценивают ситуацию в стране в пределах кризисных и катастрофических оценок. Уровень катастрофичности, правда, варьируется и имеет за последние годы понижающуюся динамику. Однако индикатор кризисности ситуации в стране уверенно колеблется в пределах не вполне успешных для государства и общества в целом 1994–1998 гг. (см. табл. 3).

Систематические опросы граждан также не оставляют сомнений в том, что преступность

была и продолжает оставаться в числе первопричин, влияющих на их выводы о кризисном положении дел в стране. Противоположные представления криминалистов основаны на ложном прочтении состояния отражаемых в социологических отчетах показателей преступности, которая в общественном понимании имеет отличный от юридического значения контекст.

Внимательное отношение к социологическим данным позволяет рассмотреть, что преступность воспринимается гражданами в узком аспекте. Под преступностью они часто понимают так называемый уличный вариант ее проявления. С ней связывают публичные и массовые происшествия, выражающиеся, как правило, в нарушении общественного порядка (драки, грубость, хамство, карманные кражи и др.). Данные опросов позволяют утверждать, что состояние преступности в стране население оценивает преимущественно по ощущению уровня безопасности в местах общего пользования (на улицах, в парках, школах, общественном транспорте и т. д.).

Терроризм, который, безусловно, является неотъемлемой частью всей преступности, из-за его чрезвычайной опасности и тяжелой переносимости опрашиваемые граждане выделяют в отдельную группу. Прямо противоположный эффект связан с так называемыми проблемами ЖКХ. Из-за бытового, повседневного и привычного характера проблемы в сфере ЖКХ не включаются респондентами в число преступных. Хотя в своей основной массе они имеют уголовно-правовое измерение. Подавляющая часть происшествий в этой сфере связана с бесосновательным повышением тарифов, то есть с обманом граждан и изъятием их средств якобы по причине повышения себестоимости оказываемых услуг. Однако прокурорско-следственная практика проясняет, что в действительности в указанной области целые сети энергосбытовых организаций в стране действуют в интересах не населения, а преступных сообществ. И занимаются они не энергообеспечением граждан как основным видом своей деятельности, а сбором денежных средств с населения и их выводом за рубеж по фиктивным основаниям и без оплаты услуг поставщиков и производителей.

Таблица 3

Динамика оценок населением России ситуации в стране, 1994–2012 гг. (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1994	1997	1998 апр.	1998 окт.	1999	2000	2001	2005	2010	2011	2012
Нормальная	6	13	10	2	5	16	18	25	16	23	35
Кризисная	40	43	53	45	61	60	51	54	73	59	43
Катастрофическая	22	38	33	51	29	18	14	12	11	10	6
Затрудняюсь ответить	5		6	2	5	9	18	9		8	16

Коррупция в ее современном законодательном определении вообще имеет исключительную уголовно-правовую квалификацию. Понятие коррупции, зафиксированное в ст. 1 ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», охватывает не менее 45 составов преступлений, предусмотренных УК РФ.

Таков в самых общих чертах социальный контекст тех криминологических показателей, которые у правоприменителей вызывают удовлетворение. Этот контекст вполне однозначно указывает на то, что преступность была и остается основной проблемой современного российского общества. Выход в конкретные сферы уголовно-правовой охраны и сравнение их состояния со значениями уголовной статистики оптимизма не добавляют. Ее индикаторы не согласуются с отраслевыми социально-экономическими тенденциями.

К примеру, продолжительное снижение числа зарегистрированных преступлений в сфере экономики и, казалось бы, ее криминологическое оздоровление не приводят к улучшению в общественном сознании образа участников хозяйственной деятельности. До сих пор сохраняют актуальность высказанные еще в 1998 г. выводы специалистов Центра политических технологий, которые, исследовав образ российского бизнесмена в глазах общества, сравнили его с собирательным персонажем, совмещающим в себе черты Чичикова, Остапа Бендера, героев О. Генри, Карабаса-Барабаса и Саввы Морозова. Образ мелкого предпринимателя ассоциируется в массовом сознании с «челноком», и его скорее жалеют. А к крупному бизнесу относятся враждебно — из-за «неправедно» нажитых капиталов⁹.

С тех пор общественное восприятие предпринимателя не улучшилось. Дело дошло до того, что сегодня представители государства и бизнес-общества призывают уже священнослужителей помочь реабилитировать предпринимательство в глазах общества, поскольку бизнес-активность в России в последние годы, по признанию специалистов Минэкономразвития РФ, неуклонно снижается, а желающих начать собственное дело становится все меньше и меньше. Сейчас среди школьников и студентов профессия бизнесмена не котируется — в фаворе чиновники госструктур и менеджеры крупных корпораций¹⁰.

Подобное положение дел свидетельствует о том, что основные отрасли законодательства — ГК РФ и УК РФ — вносят небольшой

вклад в укрепление социальных связей. За двадцатидвухлетний период действия ГК РФ и восемнадцатилетний — УК РФ антагонистические настроения в обществе, возникшие в начале 1990-х гг. на почве несправедливого распределения имущества Советского государства, не снизили своего накала. После более чем десятилетнего опыта приватизации, как отметил Н. Я. Петраков, в России институт собственности не нашел однозначного и полного правового урегулирования. Задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики страны не решена. Мелкий и средний бизнес не получил ни прочной правовой, ни экономической основы для цивилизованного конкурентного развития; крупные производства и сегменты экономики в результате приватизации снизили эффективность своей деятельности, оказавшись в монопольном положении на рынках сбыта своей продукции¹¹.

По оценкам организации Property Rights Alliance, степень защищенности имущественных прав в России находится на крайне низком уровне. После оценки в 2009 г. 115 государств по десяти критериям, отражающим состояние трех сред (правовая и политическая среда, защита материальной собственности, защита интеллектуальной собственности), РФ был присвоен индекс защиты прав собственности в 4,1 балла из 10 возможных. В рейтинге стран Россия заняла 87 место, где она разместилась между Мозамбиком и Кенией, с одной стороны, и Замбией, Пакистаном и Алжиром — с другой. По состоянию на 2014 г. Россия не сильно улучшила свои показатели, получив индекс в 4,8 балла. На этот раз она существенно не дотянула до Замбии, но встала на один уровень с Мозамбиком, оставаясь при этом в одной группе с Мавританией, Мали и Сенегалом¹².

Схожие оценки положения собственника в стране следуют из доклада Российского союза промышленников и предпринимателей «О состоянии предпринимательского климата в 2007–2011 годах». 65 % опрошенных бизнесменов оценили уровень защищенности частной собственности как низкий, а более 20 % выразили уверенность в том, что названный уровень за последние пять лет понизился. 15 % улучшений не заметили. В целом же представители деловых кругов не скрывают, что защищать имущество и бизнес в России почти невозможно из-за административных барьеров и коррупционной составляющей.

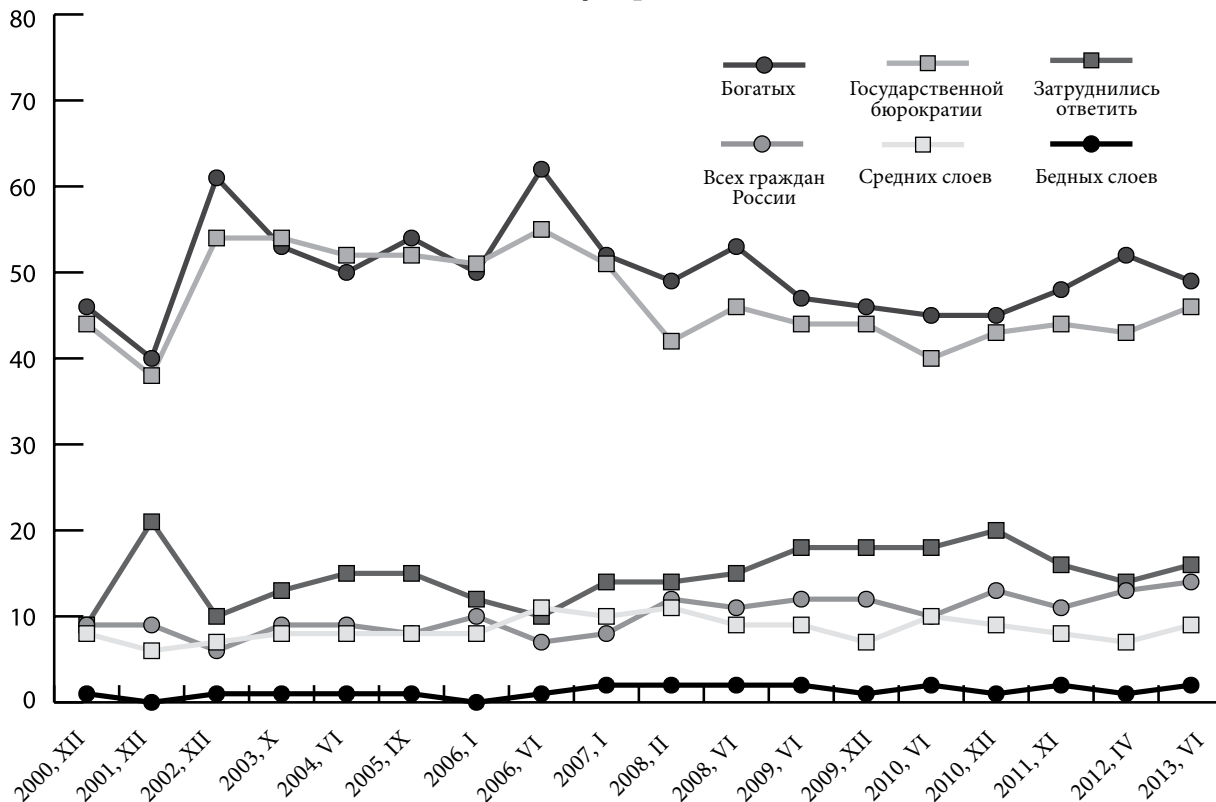
⁹ См.: Образ предпринимателя // Коммерсантъ. 1998. № 134. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/202391> (дата обращения: 30.06.2015).

¹⁰ См.: Проповедь на бизнес-тему. Церковь просят помочь реабилитировать предпринимательство в глазах общества. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=print&div=6442> (дата обращения: 30.06.2015).

¹¹ См.: Петраков Н. Я. Развитие отношений собственности в России // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2005. № 3 (24).

¹² Сведения приведены по данным организации International Property Rights (IPRI). URL: <http://internationalpropertyrightsindex.org/> (дата обращения: 30.06.2015).

Таблица 4.
«Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?»
(в % к числу опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Уголовная статистика не собирает подобного рода сведения и не располагает ими. Можно сказать, что она не предназначена для работы в масштабе и в формате общества. Не способствует такой работе и то, что УК РФ, вопреки требованию Основного закона, охраняет не всякую, а исключительно товарно-стоимостную собственность; требует проявления уважения не к личности собственника, а к стоимости имеющегося у лица имущества. Защищает не всех собственников, а только тех и тогда, когда они находятся в экономически наиболее благоприятном положении. То есть разрушает основы общества, переводя скрепляющие его принципы равенства и справедливости из естественно-правового положения в товарно-стоимостное измерение. Иными словами, соучаствует в развитии неприязни одной части социума к другой по признаку имущественного неравенства.

В итоге на сегодняшний день в механизме уголовно-правового мониторинга нет инструмента, предназначенного для того, чтобы диагностировать и прогнозировать наступление очередной смены форм собственности в России, которая, как отмечал Н. Я. Петраков, каждый раз происходит революционными темпами. Во взгляде

правоохранителей отсутствуют критерии оценки состояния социально-групповой структуры российского общества, которое уже сегодня, как отмечают Т. И. Заславская и В. А. Ядов, характеризуется вопиющим разрывом между зажиточными и бедствующими слоями граждан и нелегитимно в глазах населения¹³.

В этой связи неудивительно, что, по устойчивому мнению большинства россиян, государство защищает главным образом богатых и чиновников (см. табл. 4). Установив имущественные цензы, только по достижении которых обеспечивается доступ к правосудию, уголовный закон самым непосредственным образом принимает участие в формировании и укреплении подобных общественных настроений.

Обращение к конкретным сферам общежития и сравнение их состояния с показателями уголовной статистики можно продолжить. Однако уже на данном этапе представляется очевидным, что основанные на ее индикаторах выводы органов юстиции находятся на весьма отдаленном расстоянии от социально-правовой действительности.

¹³ См.: Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

Крайне низкое качество уголовной статистики и ее «слепота» не остались незамеченными. Д. А. Медведев без стеснения назвал ее «брехней». Чуть более лояльное отношение к статистике как системе восприятия правоприменителем окружающей его реальности проявлено обществом. Согласно последним опросам «Левада-центра», официальная статистика у россиян не пользуется большим доверием: 23 % верят в правдивость статистических данных, 32 % — нет, 41 % — отчасти доверяют, отчасти нет¹⁴.

* * *

Весомый вклад в девальвацию правоприменительного взгляда вносят сами правоохранительные органы и учреждения юстиции. Несмотря на унифицированность используемой ими уголовной статистики, каждое ведомство вырабатывает к ее значениям собственное отношение. Единства в подходах к интерпретации статистического текста и социального контекста в целом не имеется, что, по сути, добавляет в правосознание общества свою порцию, по выражению Ж. Т. Тощенко, парадоксов и противоречий¹⁵, размывающих его представления о норме поведения. Точек соприкосновения в оценках специалистов немного. В основном преобладают расхождения. Примеры говорят сами за себя.

С одной стороны, Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев отмечает, что сложность экономических отношений в условиях становления рыночной экономики отразилась на структуре и содержании норм уголовного закона. Уголовный кодекс, по его мнению, соответствует современным экономическим потребностям общества. Это закон максимально способствует переходу от жесткой централизованной планируемой экономики к свободным рыночным отношениям, его нормы направлены на защиту всех форм собственности и свободы экономической деятельности¹⁶.

С другой стороны, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, подбирая выражения, аккуратно и сдержанно высказывается о том, что в стране отсутствуют твердые гарантии собственности. Также обращает внимание на другие противоречивые процессы в правовом развитии России и в реализации конституцион-

ных принципов юридического равенства и социальной справедливости. Отмечает нахождение России в тяжелейшем кризисе и в плену правового нигилизма, клановой и корпоративно-олигархической ментальности, превращение бюрократии в действующий в собственных интересах квазикласс, коррупции и организованной преступности¹⁷.

Схожая полярность наблюдается и в оценках руководителей государства. По мнению Д. А. Медведева, уровень защиты права собственности и контрактных обязательств сегодня в России соответствует мировым стандартам¹⁸. По оценкам же В. В. Путина, действующие механизмы защиты собственности (в том числе интеллектуальной) не работают достаточно эффективно. Институт частной собственности нуждается в укреплении¹⁹.

Немного точек соприкосновения имеется и в прокурорско-судебной практике. В деле оценки состояния, к примеру, предварительного следствия их выводы существенно разнятся. По ежегодным докладам Генерального прокурора РФ, объем нарушений, допускаемых следователями и дознавателями на этапах проверки сообщений о правонарушениях и расследования уголовных дел, неуклонно растёт.

В 2014 г. объем выявленных нарушений законов в деятельности всех правоохранительных органов по сравнению с 2013 г. увеличился на 22 % и в абсолютном выражении достиг почти 6 млн. Причем нарушения множатся не только на стадии регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях (+15 %), но и в ходе всего дальнейшего расследования (+12 %). В 2012 г. прокурорами установлено свыше 5 млн. нарушений законов, допущенных на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Из них более 3,4 млн совершено на стадии приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях²⁰.

В то же время, по отчетам судебных органов, состояние законности на стадии предварительного расследования не столь печально. Количество уголовных дел, возвращенных судом без рассмотрения из-за допущенных в ходе расследования нарушений, находится в пределах 1 %. В абсолютном выражении этот показатель

¹⁴ См.: Доверие к власти и официальной статистике. URL: <http://www.levada.ru/19-08-2015/doverie-k-vlasti-i-ofitsialnoi-statistike> (дата обращения: 19.08.2015).

¹⁵ См.: Тощенко Ж. Т. Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. 2002. № 3. С. 561–575.

¹⁶ См.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2005; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: ИНФРА-М: Норма, 2000.

¹⁷ См.: Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма, 2013. С. 7–9.

¹⁸ См.: Медведев отметил высокий уровень защиты права собственности в РФ. URL: <http://ria.ru/society/20080607/109500873.html> (дата обращения: 19.08.2015).

¹⁹ См.: Путин предложил усилить защиту интеллектуальной собственности. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/03/27/putin-predlozhit-usilit-zaschitu-intellektualnoj> (дата обращения: 19.08.2015).

²⁰ См.: Личная страница Генерального прокурора Российской Федерации. URL: <http://www.genproc.gov.ru/genprokuror/>

ежегодно и стремительно снижается. С 2008 по 2014 г. индикатор уменьшился на 62 % (с 25 343 до 9 817 уголовных дел).

Полагаясь на судебную статистику, можно даже уверенно высказаться о том, что беспокойства прокуроров относительно качества следственной работы беспочвенны. Объем оправдательных приговоров, с точки зрения следственных органов, имеет исключительно положительный тренд. Число оправданных лиц не достигает и 0,5 % от общего числа лиц, представших перед судом.

В сводных данных Судебного департамента Верховного Суда РФ многомиллионные нарушения следователей и дознавателей отражения не находят. Из 130 648 жалоб участников уголовного судопроизводства на незаконные действия (бездействие) должностных лиц органов следствия и дознания, рассмотренных судами общей юрисдикции в 2014 г., только 8 929 удовлетворено, то есть немногим более 6 % от их общего числа²¹.

* * *

В завершение необходимо отметить, что поиск конкретных причин расхождения взглядов правоприменителей и их оппонентов можно продолжить и посвятить этому вопросу еще не одно исследование. Однако представляется, что такого рода изыскания не будут иметь большого успеха и продвигать своих авторов к установлению одной для всех истины. Сложившийся в этой области опыт уже свидетельствует о том, что каждый орган правопорядка отстаивает свою правду и исключительно ею готов руководствоваться.

Для понимания современного состояния позиций правоприменителя стоит обратить внимание на сам «раскол» во внутреотраслевых и межотраслевых мнениях о положении действующего уголовно-правового порядка. Само его наличие, а также тот факт, что правоохранительные органы воспринимают его как обычное, повседневное явление, указывает на то, что подавляющая часть их оценок и мнений зиждется на релятивистских установках.

Дальнейшее базирование учреждений юстиции на подобной мировоззренческой основе, для которой вполне естественным является отсутствие соответствия между их оценками, может привести только к минимизации или даже аннуляции роли правоохранительной службы в жизни общества. Такие тенденции уже сегодня набирают силу. Согласно проведенным фондом «Общественное мнение» опросам, с 1998 по 2012 г. ведущие институты права не укрепили, а снизи-

ли свою роль в защите прав человека: прокуратура и судебные органы с 18 % до 16 %, а полиция — с 11 по 7 %. Тройка лидеров, набирающих вес в сфере правозащитной деятельности, представлена: 1) СМИ (с 17 по 21 %), 2) Президентом РФ (с 6 по 20 %), а также Конституционным Судом РФ (с 8 по 17 %)²².

На фоне понимания и поддержки обществом высокой значимости закона в его жизни отмеченная динамика вызывает удивление. Однако для этого не имеется оснований. В ситуации релятивизации, как отмечает В. А. Лекторский, всегда происходит парализация действия²³. Такой паралич, надо полагать, наступил и недвусмысленно указывает на то, что сегодня имеет место кризис правоприменителя, а не права. Для изменения сложившегося положения каждой правоохранительной службе необходимо выбираться из собственных искусственно сконструированных концептуальных каркасов и камерных пространств, а также поставить перед собой задачу по поиску и принятию на вооружение общей для всех парадигмы восприятия социально-правовой реальности.

Список литературы

1. Бочкарев С. А. Состояние уголовного права: «пороги» и «пороки» научного осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 58–71.
2. Гилинский Я. И. Криминология: курс лекций. СПб.: Питер, 2002. 377 с.
3. Дмитриев А. В. Насилие как средство решения конфликтов // Общество и право. 2004. № 4 (6). С. 63–64.
4. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
5. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма, 2013. 496 с.
6. Иншаков С. М. Криминология: учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2002. 432 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: ИНФРА-М: Норма, 2000. 768 с.
8. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2005. 928 с.
9. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
10. Петраков Н. Я. Развитие отношений собственности в России // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2005. № 3 (24). С. 13–15.
11. Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+: Реабилитация, 2015. 392 с.
12. Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. 181 с.

²² См.: Защита прав человека в России // Еженедельный опрос «ФОМнибус» 30 июня — 1 июля 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. URL: <http://fom.ru/posts/10530> (дата обращения: 30.06.2015).

²³ См.: Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+: Реабилитация, 2015. С. 9.

²¹ См.: Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/>

13. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. 54 с.
14. Тощенко Ж. Т. Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. 2002. № 3. С. 561–575.
15. Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Социология. 2009. № 4. С. 69–82.

The duality in the understanding of the modern criminal policy

Shultz V. L.,

Doctor of Philosophy, Professor,
Vice-President of the Russian Academy of Sciences,
Correspondent Member
of the Russian Academy of Sciences

Bochkarev S. A.,

PhD in Law, senior researcher, Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences
e-mail: bochkarvs@mail.ru

Abstract: *the article examines the level of understanding of the moderators (scientists) and operators (practitioners) of the criminal law as an indicator reflecting the state of this branch of law. Diagnosed subjects of criminal-legal monitoring in their assessments of the state of law and order are at opposite positions on critical remote from each other a distance. In this regard, posed and investigated the question of whether their differences are the result of basic differences in point of view or they prove that between the parties to the controversy there is no understanding. According to the results stated that «split» in untreatable and inter-sectoral views on the state of the current criminal legal procedure due to the fact that monitoring tools are based on the relativistic attitudes that lead to paralysis of the activity of judicial bodies.*
Keywords: *jurisprudence, criminal law, state law, relativism, crisis, law enforcement authority, statistics, indicators, indicators.*

References:

1. Bochkarev SA status of criminal law, «thresholds» and «vices» scientific understanding // Russian Journal of Legal Studies. 2015. № 1 (2). Pp. 58–71.
2. Gilinskiy YI Criminology: lectures. SPb.: Peter, 2002. 377 pp.
3. Dmitriev AV violence as a means of resolving conflicts // Society and Law. Number 2004. 4 (6). Pp. 63–64.
4. Zaslavsky TI, Poisons VA Social transformations in Russia in the era of global change // Journal of Sociology. 2008. № 4. Pp. 8–22.
5. Zorkin VD right in the context of global change: a monograph. M.: Norma, 2013. 496 pp.
6. Inshakov SM Criminology: Textbook. allowance. M.: Law, 2002. 432 pp.
7. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / Ed. YI Skuratov, VM Lebedev. M.: INFRA-M: Norma, 2000. 768 pp.
8. Scientific and practical guide for the application of the Criminal Code / Ed. VM Lebedev. M.: Norma, 2005. 928 pp.
9. What the Russians dream: the ideal and the reality / Ed. MK Gorshkov, R. Krumm, NE Tikhonova. M.: The world, 2013. 400 pp.
10. Petrakov NY The development of property relations in Russia // Real estate and investments. Legal regulation. 2005. № 3 (24). Pp. 13–15.
11. Relativism as a disease of modern philosophy / hole. Ed. VA Lektorsky. M.: Kanon +: Rehabilitation, 2015. 392 pp.
12. Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis / holes. Ed. VA Lektorsky. M.: IF RAN, 2012. 181 pp.